

Научная статья
УДК 94(47).084.3
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-515-526

Латышские «активные националисты» и Латвийская консерватория

Александр Дмитриевич МАЛНАЧ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
amalnach@gmail.com

Аннотация. В Латвии, как и в ряде других стран Восточной Европы, национализм остается влиятельной силой, определяющей повестку дня. Понимание идеологии и практики современного национализма предполагает изучение его происхождения и эволюции. На основе междисциплинарного подхода кратко изложены предыстория и предпосылки возникновения латышского «активного национализма» и впервые в историографии подробно рассмотрены взаимоотношения крупнейшей фашистской организации первой половины 1920-х гг. – Латышского национального клуба с Латвийской консерваторией, а также опосредованное влияние идей «активного национализма» на воспитанников консерватории. Выявлены направленность и характер движения «активных националистов», а также раскрыта его тесная связь с уважаемыми кругами латышской буржуазии и с ведущей латышской буржуазной партией «Крестьянский союз». Сделан вывод, что весомая часть латышской творческой интеллигенции, включая воспитанников и выпускников Латвийской консерватории, приобщилась к латышскому фашизму, чем во многом объясняется как активное сотрудничество латышской интеллигенции с нацистами в годы Великой Отечественной войны, так и массовый исход из Латвии людей творческих профессий, в частности музыкантов, при отступлении немецкой армии.

Ключевые слова: Латвия, латышские фашисты, Латышский национальный клуб, Латвийская консерватория, Язеп Витолс

Для цитирования: Малнач А.Д. Латышские «активные националисты» и Латвийская консерватория // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 515-526. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-515-526>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-515-526

Latvian “active nationalists” and the Latvian Conservatory

Alexander D. MALNACH

Saint Petersburg State University
7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
amalnach@gmail.com

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Малнач А.Д., 2022

Abstract. In Latvia, as in several other Eastern European countries, nationalism remains an influential force that sets the agenda. Understanding the ideology and practice of modern nationalism involves studying its origin and evolution. The article uses an interdisciplinary approach and briefly outlines the prehistory and prerequisites for the emergence of Latvian “active nationalism” and, for the first time in historiography, examines in detail the relationship between the largest fascist organization in the first half of the 1920s – the Latvian National Club with the Latvian Conservatory, as well as the indirect influence of the ideas of “active nationalists” and reveals its close connection with the respectable circles of the Latvian bourgeoisie and with the leading Latvian bourgeois party Peasant Union. We conclude that a significant part of the Latvian artistic intellectuals, including pupils and graduates of the Latvian Conservatory, joined the Latvian fascism, which largely explains both the active cooperation of the Latvian intelligentsia with the Nazis during World War II, and the mass emigration of people of artistic professions from Latvia, in particular musicians, during the retreat of the German army.

Keywords: Latvia, Latvian fascists, Latvian National Club, Latvian Conservatory, Jazeps Vitols

For citation: Malnach A.D. Latyshskiye «aktivnyye natsionalisty» i Latviyskaya konservatoriya [Latvian “active nationalists” and the Latvian Conservatory]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 515-526. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-515-526> (In Russian, Abstr. in Engl.)

История Латвийской консерватории, отменившей в 2019 г. 100 лет со дня основания, еще не написана. В литературе часто отмечается ее кровная связь с Петербургской консерваторией в лице основателя и первого ректора Латвийской консерватории, профессора Я. Витолса (1863–1948), и ряда его коллег, которые, как и он, академическое музыкальное образование получили в Петербурге. Консерватория в Риге задумывалась и создавалась вскоре после обретения Латвией независимости во многом ради поддержания и укрепления латышской национальной музыкальной культуры, формирования нацио-

нальных кадров, но, подобно Петербургской консерватории, в ней по необходимости работало много педагогов-нелатышей, что вызывало острое недовольство националистических кругов. Проблема национализма в музыкальной жизни затрагивалась в работах, посвященных консерватории, но так и не стала предметом всестороннего рассмотрения. В исследовании впервые освещаются взаимоотношения латышских «активных националистов» и Латвийской консерватории. Свет на них проливают документы, хранящиеся в фонде Латвийской консерватории в Латвийском государственном архиве (ЛГА).

Ф. 1655), а именно, переписка Латышского Национального клуба с дирекцией консерватории и протоколы Хозяйственной комиссии.

История латышского «активного национализма» привлекала интерес ряда современных латвийских исследователей. Л. Дрибин и А. Странга касались этой темы в рамках общего подхода к проблеме национальных отношений в Латвии [1; 2]. В свою очередь У. Креслиньш и А. Паэглис изучали организации латышских «активных националистов» и их роль в политической жизни страны специально [3; 4]. Безусловный «объективизм» невозможен уже при самом восприятии социальных явлений и самой постановке социальных проблем, как подчеркивал русский исследователь итальянского фашизма и германского национал-социализма Н.В. Устрялов [5], но сочувствие «активным националистам» этих двух ученых очевидно. За уклончиво-сдержанным осуждением экстремистских методов латышских фашистов у них прослеживается стремление к реабилитации и вместе с тем популяризации «активного национализма». Об этом наглядно свидетельствует «короткий обзор по данной теме на русском языке» У. Креслиньша [6], опубликованный в «Журнале российских и восточноевропейских исторических исследований» в 2019 г. Ранее в том же издании вышла статья А.Д. Малнача [7], представляющая собой самостоятельное исследование причин возникновения, идеологии и практики латышского фашизма на первом этапе его существования.

Латышский национализм возник в середине XIX столетия: формально как отголосок революции 1848 г. в Германии [1, 40. lpp.], по существу – как ответ на запрос нарождающейся латышской буржуазии, которая с первых шагов своего существования вступила в экономическую конкуренцию с балтийско-немецким населением остзейских губерний края и остро нуждалась в подходящей идеологии. Объектом внимания и предметом забот латышский национализм видел латышский народ, проживавший на территории, разделенной границами трех губерний Российской империи и охватывавшей все десять

уездов Курляндской губернии, четыре южных уезда Лифляндской губернии и три западных уезда Витебской губернии [8, с. 52].

Впервые обнаружив себя в середине XIX века, соперничество латышей с инонациональным населением Прибалтийского края Российской империи – первоначально, главным образом, с немцами; позднее, с конца 1870–1880-х гг. – с евреями, и ближе к концу столетия – с русскими – в различных областях хозяйственной, общественной и культурной жизни и в дальнейшем питало латышский национализм, который в свою очередь инспирировал стремительный рост культуры и политического самосознания латышей. Латышский национализм сыграл важную роль в ходе общей эмансипации латышей и ключевую – в процессе их освобождения от гнета балтийских немцев и выхода из-под власти России [8, с. 109].

Сугубо оборонительный в первой фазе становления латышской нации, латышский национализм с течением времени приобретал все более напористый и даже агрессивный характер. Латышские националисты уже не мечтали о равенстве, их идеалом стал «приоритет латышской нации в экономике» [8, с. 58]. К тому же, как удачно заметил Н.В. Устрялов, «Интернационал, заливаясь бубенчиками гоголевской тройки, разбудил в сердцах всего мира ультранационалистические отклики» [9, с. 749]. Не стала исключением и Латвия. Если весной 1918 г. независимость представлялась глашатаям латышского национализма гарантией существования латышского народа (А. Кродерс) и «конечной целью национальных стремлений латышей» (О. Нонац) [1, 126. lpp.], то в вышедшей в 1920 г. брошюре А. Кродерса «Нация и класс» утверждалось уже иное: только с обретением независимости можно приступить к целенаправленному воспитанию латышского народа в национальном духе [1, 136. lpp.]. Сфера культуры, таким образом, объявлялась важнейшим театром борьбы. Залогом укрепления Латвийского государства провозглашалось создание «государства латышской культуры» и достижение «духовного суверенитета латышского народа». По

мнению А. Кродерса, только участие в национальном движении могло избавить народные массы – рабочих и крестьян – от «сетей большевизма» [1, 146-147. lpp.].

«Национально мыслящих» публицистов тревожила перспектива мирного сосуществования с национальными меньшинствами, совокупная численность которых превышала 1/4 населения страны. Их не устраивала доля участия последних в деловой жизни страны. Отсюда и призывы к «духовному» и экономическому освобождению от «засилья» иностранцев.

Так, писатель и теоретик искусства В. Эглитис, откликаясь на начало занятий в Латвийской высшей школе (университете), рекомендовал придать «латышской высшей школе» сугубо латышский характер, поскольку «все те науки, которые нам преподавались в иностранных университетах, в латышской среде могут оказаться неподходящими»¹. «Чем иным может быть наша новая высшая школа, если не освобождением от чрезмерно угнетающих впечатлений чужих, немецкой и русской, культур?», вопрошал В. Эглитис, а поскольку еще и «еврейско-немецкие религиозные учения уродовали латышский дух», то, продолжал он, «задачей новой высшей школы будет вести нас к древнему национальному пантеизму в религии»².

Ему вторил публицист Э. Бланк: «Наша национальная идеология уже с самого начала приняла опасное направление на восток и вошла в нашу общественную кровь как русское мышление»³. Зато «возрождение Латвии как независимой суверенной республики происходит как результат победы антирусских и антикоммунистических сил»⁴.

На подозрении у латышских националистов были все меньшинства, но главной мишенью на этом этапе оказались все же евреи. При этом нередко рука об руку у латышских националистов шли антисемитизм и русофо-

бия. Тот же Э. Бланк видел в еврейской интеллигенции важнейший фактор упрочения влияния русской культуры в Латвии. «Евреи для нас неприемлемы главным образом как русские евреи» [1, 145. lpp.], писал он осенью 1922 г. Другой видный «национально мыслящий» публицист, лидер отколовшейся от ЛСДРП группы социалистов-меньшевиков М. Скуниекс еще раньше порицал евреев за пристрастие к русской культуре, чем они привносят в Латвию «чуждое и неприятное настроение» и делают это «не потому, что они евреи, но потому, что они по своей культуре русские»⁵. Первую открыто антисемитскую политическую программу летом 1921 г. выдвинули отнюдь не политические маргиналы, а крупнейшая партия латышской буржуазии – Крестьянский союз [2, 456. lpp.]. Один из его видных деятелей, З. Мейеровиц, 15 июня 1921 г. сформировал первое чисто латышское правительство, сделав девизом нового кабинета лозунг «Латвия для латышей!» [10, 165. lpp.].

В свою очередь первая организация фашистского толка в Латвии, поставившая перед собой цель реального вытеснения евреев из экономической, политической, общественной и культурной жизни, а также силового подавления рабочего движения – *Latvju Nacionālais Klubs* («Латышский национальный клуб», ЛНК), возникла 29 августа 1922 г. Активисты ЛНК не стеснялись в средствах, прибегая к грубому насилию и физическому террору против евреев и социал-демократов. По словам советского историка В. Самсонса, ЛНК «использовал в гиперболизированном виде уже готовые тезисы латышского шовинизма, антикоммунизма и антисемитизма» [11, 33. lpp.]. В. Самсонс полагал, что латышский фашизм имел два основных направления. Сторонники первого, представленного многими малочисленными, но скандальными партиями и группировками, включая ЛНК, «открыто называли себя фашистами и охотно эксплуатировали крайне экстремистские лозунги итальянских фашистов и немецких на-

¹ *Eglits W.* *Nacionālā augstskola* // *Latvijas Sargs*. 1919. 1. okt.

² *Ibid.*

³ *Blanks E.* *Latviju tautiska kustība*. Rīga: Zvaigzne, 1994. 237. lpp.

⁴ *Ibid.* 291. lpp.

⁵ *Skujenieks M.* *Ebreji Latvijā* // *Darba Balss*. 1921. 30. aug.

ционал-социалистов», тогда как второе направление представлял Крестьянский союз, который по тактическим соображениям «воздерживался от крайностей» и движение к диктатуре осуществлял под прикрытием реформы конституции [11, 38. lpp.]. Нам представляется, что Латышский национальный клуб пользовался поддержкой Крестьянского союза до тех пор, пока его деятельность способствовала реализации собственных политических видов вождей крупнейшей партии латышской буржуазии. Эпизод, в котором пересекаются пути «активных националистов» и Латвийской консерватории, служит тому подтверждением.

Основатель Латвийской консерватории Я. Витолс видел свое детище стоящим вне политики. В ноябре 1920 г., обсуждая вопрос о возможности организации кружков воспитанников, Совет консерватории со всей определенностью постановил: «никакой политики» [12, с. 527]. И на практике руководство учебного заведения старалось следовать этому правилу. Так, Я. Витолс отказал комитету Первого праздника латышской молодежи, обратившемуся в апреле 1922 г. к консерватории с призывом «принять активное участие со своими музыкантами и певцами в Первом празднике латышской молодежи, который состоится летом в Риге с 18 по 28 июня»⁶. В черновике ответа, набросанном на бланке письма, Я. Витолс сослался на обстоятельства: «начиная с 1 июня, все воспитанники консерватории отпускаются на летние каникулы; таким образом, у консерватории как таковой нет возможности участвовать в Празднике латышской молодежи»⁷. Но другой документ, письмо Латвийского союза помощи детям (ЛСПД) и Главного правления Латвийского красного креста от 30 июня 1922 г., свидетельствует, что глава консерватории мог поступить иначе. В письме ЛСПД выражается «благодарность дирекции и воспитанникам Консерватории за чрезвычайно любезную отзывчивость в организации дней

ребенка, предоставив обширный зал консерватории и обогатив дни ребенка красивыми музыкальными представлениями»⁸. То есть дирекция отказала «латышской молодежи» и прониклась нуждами «латвийских детей». Возможно, потому, что во втором мероприятии политический компонент отсутствовал вовсе, тогда как праздник латышской молодежи содержал в себе выраженную национальную составляющую.

В начале 1920-х гг. националистические силы всемерно настраивали латышское студенчество против обучавшихся в латвийской высшей школе студентов-нелатышей, прежде всего евреев. На активное участие молодежи сделал ставку и ЛНК. Его опорой в Латвийском университете (ЛУ) были корпорации националистически настроенных латышских студентов и еженедельник “*Students*” («Студент»), подававший себя как «газета академической жизни», но на деле являвшийся органом «активных националистов». Зимой 1922/1923 учебного года в университете развернулись беспорядки под лозунгом «Все жида вон!». Волнения вышли на улицу, поскольку власти фактически солидаризировались с зачинщиками и участниками беспорядков: порицая эксцессы на словах, они не предпринимали решительных мер для их прекращения и предотвращения. Когда большинство студенческого совета университета потребовало ввести процентную норму для евреев, совет университета во главе с ректором Э. Фельсбергом, а также представлявший Крестьянский союз министр образования П. Гайлитс поддержали это требование [7, с. 130-155]. Желая расширить фронт «движения», “*Students*” старался вовлечь в него учащихся двух других высших учебных заведений Латвии – Академии художеств и Латвийской консерватории [12, с. 530]. И если воспитанники академии приветствовали «справедливую борьбу за национальный университет и национальные права» [7, с. 154], то консерваторцы отмолчались. Никаких актов солидарности с «национальными латышскими студентами», никаких антиеврейских за-

⁶ ЛГА (Латвийский государственный архив). Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1254. Л. 46.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 73.

явлений со стороны «кружка воспитанников» и его приемника – Совета воспитанников, не последовало. Однако и в среде воспитанников консерватории имелись сочувствующие «активным националистам».

Так, 20 февраля 1923 г. к руководству Латвийской консерватории обратился секретарь ЛУ А. Вальдманис, который «любезно просил Консерваторию не отказать вызвать своих воспитанников: Альвину Лиепину, [Эльзу] Лусс и Яниса Калныньша (приписаны, сколько известно, к классу пианистов) явиться в комиссию по расследованию студенческого происшествия – в четверг 22 февраля с. г. в 1/2 11 утра в кабинет проректора, чтобы дать свои свидетельства в деле одного студента-еврея»⁹. По-видимому, поводом к этому послужила «жалоба воспитанников консерватории об угрожающем и презрительном отношении к латышам еврея Жано Таукина», переданная в студенческий суд, по-видимому, за отсутствием такового в консерватории¹⁰. Чем окончилось разбирательство, если оно состоялось, неизвестно, но в марте 1923 г. консерватория получила от газеты “*Students*” форменный запрос: «Получены сведения, что 1) в Консерватории художник Карклиньш из-за 2 (двоих. – А. М.) незнающих латышский язык преподает в своей группе на русском языке и что 2) в группе г-на Дауге одни только евреи – прошу дать пояснения в этом деле для информирования читателей “*Students’a*”». Проигнорировать «сигнал» Я. Витолс очевидно не мог. Карклиньш написал объяснительную: «Доверенные мне предметы читаю на латышском языке, только в случаях, когда в классе какой-то воспитанник, который очень мало понимает по-латышски, просит разъяснение по-русски, то ему дается краткое особое разъяснение по-русски». Сведения по евреям в классе А. Дауге дала канцелярия, таковых оказалось семеро из 22 воспитанников [12, с. 530].

Учащимся консерватории категорически воспрещалось сотрудничество в органах печати. Запрет нарушался, нарушители подвер-

гались взысканиям и пытались оспорить справедливость наказания и правомерность подобного ограничения в принципе, как это сделал, например, в феврале 1924 г. на страницах того же “*Students’a*” известный в будущем музыкальный критик и теоретик Е. Граубиньш. В пример консерватории он ставил университет [12, с. 528-529], где “*Students*” беспрепятственно вел националистическую агитацию и пропаганду расизма.

По-видимому, «активные националисты» видели в консерватории важный и недостаточно охваченный участок работы с «национальной молодежью». Неслучайно один из пионеров латышского фашизма, основатель ЛНК, профессор Я. Озолиньш пытался устроиться туда на работу. 17 августа 1925 г. он направил Я. Витолсу письмо, в котором изъявлял желание занять «временно вакантное» место преподавателя эстетики и, потенциально, психологии, сравнительного литературоведения и истории искусства, в том числе музыки¹¹, но не преуспел.

«Активные националисты» пытались наладить сотрудничество с родственными движениями за пределами Латвии. По инициативе Я. Озолиньша, они искали покровительства самого Б. Муссолини [6, с. 30]. Певец М. Ветра, вчерашний выпускник консерватории, продолжавший обучение в Италии, оппонировал легкомысленной, по его словам, внешней активности латышских фашистов, между прочим, выражая недовольство и тем, что они не находят «более национального слова для репрезентации за рубежом». Реагируя статьей «Латвийские фашисты в Риме» на интервью кого-то из вождей ЛНК итальянской газете “*Il Tevere*”, М. Ветра восхищался «гениальностью» Б. Муссолини, но иронизировал по поводу «героической» активности клубиста И. Поне и его «фанатизма против тайных врагов из Москвы», за которых выдаются все левые группы¹².

⁹ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1257. Л. 189.

¹² *Vētra M. Latvijas fašisti Romā // Vētra M. Atbalsis. Raksti un vēstules Eiropā 1921–1946. Rīga: Mansards, 2013. 54–55. lpp.*

⁹ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1255. Л. 16.

¹⁰ *Students*. 1922. 13. dec. 7. lpp.

Все же «активные националисты» проникли в Латвийскую консерваторию, хотя и с черного хода («вход со двора, чтобы не мешать работе классов»). В январе 1924 г., по ходатайству-распоряжению министра образования Х. Целминьша (Крестьянский союз) руководство консерватории разрешило военно-спортивной секции ЛНК использовать для тренировок малый зал. Это произошло, когда ЛНК еще пользовался поддержкой Крестьянского союза. Буквально за несколько дней до очередного правительственного кризиса, в результате которого Крестьянский союз был вытеснен из правящей коалиции, Х. Целминьш лично обратился к Я. Витолсу с просьбой предоставить зал без арендной платы, взывая с ЛНК деньги только для погашения расходов на отопление, освещение и т. п.¹³ Хозяйственная комиссия уважила просьбу министра, оговорив ряд условий и оставив за консерваторией право на расторжение договора¹⁴. Особые пожелания возникли и у ЛНК, по просьбе которого Хозкомиссия разрешила устроить в зале шведскую стенку и использовать фортепиано в час пластики за плату 3 лата в месяц¹⁵.

В момент создания ЛНК среди целей новой организации упоминалась «защита латышской особенной национальной культуры против внутренних и внешних врагов» [4, 7. lpp.]. Но в ходе эксплуатации малого зала «активные националисты» показали себя беспокойными, неаккуратными, недобросовестными и своекорыстными партнерами.

Предполагая обосноваться в консерватории всерьез и надолго, тогдашние руководители клуба В. Смарен-Савинский и И. Поне в письме от 27 августа 1924 г. просили разрешить забрать окна бельэтажа решетками, уменьшить подиум, устроить в туалете душ, нанести на пол зала разметку для игры в баскетбол и волейбол и, наконец, разместить в помещении различные спортивные снаряды, с обещанием произвести все работы за свой

счет¹⁶. Характерным представляется момент взаимодействия латышских фашистов с Союзом христианской молодежи (Jaunekļu Kristīga Savienība, J.K.S. или YMKA, как именовалась венчурная американская организация). Поскольку консерватория отказала СХМ в аренде малого зала на том основании, что зал уже сдается ЛНК¹⁷, руководство клуба тут же попросило «разрешить несколько дней в неделю заниматься в зале Союзу христианской молодежи, который покрывает часть из больших расходов, необходимых для приобретения нового оборудования и спортивных аппаратов». «Л.Н.К. никакого возмещения за это с J.K.S. не получает. Всю ответственность за использование зала и правильное исполнение правил пользования берет Латышский национальный клуб, и у Консерватории с J.K.S. никаких отношений не будет»¹⁸, подчеркивалось в письме.

Хозкомиссия пошла навстречу ЛНК, но к прежним условиям добавила два новых: «Установить Латышскому национальному клубу арендную плату за зал в 30 латов в месяц, которая уплачивается за месяц вперед» (5-й пункт); «Во время занятий в зале следует соблюдать надлежащую тишину, чтобы не тревожить работу классов» (8-й пункт)¹⁹. Со своей стороны, клубисты письменно обещали эти условия соблюдать²⁰. Однако уже через неделю, 11 октября, заведующий консерваторской канцелярии обращал внимание руководства ЛНК на то, что «спортивная секция Клуба не соблюдает 8-й пункт условий использования малого зала консерватории; указания со стороны администрации консерватории, что крики и шум в зале тревожат работу консерватории, не воспринимаются», и просил «предпринять серьезные шаги к устранению этих беспорядков, в противном случае дирекция будет вынуждена прекратить дальнейшее использование зала»²¹. Это обращение осталось без ответа, а

¹³ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1270. Л. 3; Д. 13. Л. 64об.

¹⁴ Там же. Д. 1263. Л. 30. Письмо от 30 янв. 1924 г.

¹⁵ Там же. Д. 13. Л. 72.

¹⁶ Там же. Д. 1256. Л. 164.

¹⁷ Там же. Д. 13. Л. 82.

¹⁸ Там же. Д. 1256. Л. 191. Письмо от 10 сент. 1924 г.

¹⁹ Там же. Д. 1263. Л. 230.

²⁰ Там же. Д. 1256. Л. 193. Письмо от 3 окт. 1924 г.

²¹ Там же. Д. 1263. Л. 247.

недовольство администрации консерватории нарастало еще и по другим причинам. «По условиям аренды зала консерватории Латышским национальным клубом, арендная плата за пользование залом уплачивается за месяц вперед. Это правило правление Клуба до сих пор не соблюдало, из-за чего арендная плата за период с 15 октября по 15 ноября осталась неуплаченной. <...> Далее обращаю внимание правления Клуба на то, что необходимая вентиляция помещения до сих пор не установлена, а также пол в помещении душа не приведен в порядок. Эти недостатки портят помещение, ответственность за что падает на правление Клуба»²², писал 28 ноября 1924 г. правлению ЛНК заведующий канцелярии. На это письмо также не последовало реакции, и 16 января 1925 г. канцелярия консерватории направила правлению ЛНК извещение о расторжении договора: «Так как правление Клуба не соблюдает повторные просьбы консерватории поддерживать в зале тишину во время занятий, то сим сообщаем, что, начиная с 17 января с. г., зал консерватории для спортивных нужд Национального Клуба закрыт. Вместе с тем прошу уладить все еще неулаженные платежи за освещение, воду и помещения»²³.

По-видимому, вождям ЛНК было не до переписки с консерваторией. В декабре 1924 г. пало левоцентристское правительство В. Замуэлса. Его сменило правоцентристское правительство с участием и во главе с Крестьянским союзом. Пост премьер-министра получил тот самый Х. Целминьш, который в начале года ходатайствовал за ЛНК перед ректором консерватории. Потребность в услугах «активных националистов» отпадала, но те не уловили изменения конъюнктуры и продолжали действовать в своем стиле, что компрометировало правящий Крестьянский союз, чья связь с ЛНК была секретом Полишинеля²⁴. Зимой 1924/25 г. в столице Латвии

гремели взрывы: в декабре 1924-го в редакциях левых газет, 18 января 1925 г. в типографии, где печатался партийный орган ЛСДРП, 23 января – в одной из синагог. Только по чистой случайности никто не погиб. Но 15 февраля «активные националисты» выстрелом в живот смертельно ранили раздававшего листовки социал-демократов 19-летнего ученика слесаря Александра Масака, еврея по национальности. 18 февраля клуб был запрещен.

Консерватория, которая и без того решила уже расторгнуть договор с ЛНК²⁵, увидела в этом повод еще раз напомнить руководству клуба о взятых тем обязательствах. «В связи с закрытием Латышского национального клуба сообщаем, что консерватория считает правила об использовании малого зала консерватории для спортивных нужд бывшего Латышского национального клуба прекращенными и использование зала прерванным. В соответствии с правилами просим правление быв. Латышского национального клуба с максимальной быстротой привести помещения в порядок, стереть пыль со стен и исправить повреждения стен, пола и др., поскольку зал теперь нужен самой консерватории»²⁶, писал 26 февраля проректор консерватории П. Йозуус.

Однако, как отмечает У. Креслиньш, «потеряв организацию, активный национализм смог избежать внутреннего развала и сохранил свое идейное лицо» [6, с. 32]. ЛНК закрыли, но движение осталось, и оно не собиралось сдавать завоеванных в консерватории позиций. К тому же выяснилось, что ЛНК использовал малый зал консерватории для извлечения выгоды. Союз христианской молодежи попросил проректора П. Йозууса не выгонять его детскую и юношескую группы физкультурников на улицу, аргументируя просьбу еще и тем, что СХМ «истратил большие денежные суммы на приобретение спортивных принадлежностей для зала, по-

²² ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1270. Л. 298.

²³ Там же. Д. 1264. Л. 15.

²⁴ В феврале 1925 г. в печати появилось подписанное 14 клубистами заявление о выходе из ЛНК, причем главной причиной была названа зависимость

организации (в т. ч., финансовая) от Крестьянского союза [3, 100., 160. lpp.].

²⁵ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 13. Л. 93.

²⁶ Там же. Д. 1264. Л. 81.

скольку 2/3 всех расходов нужно было заплатить нам», а также «заплатил аренду за использование зала Клубу до 15 марта с. г.»²⁷, хотя руководство ЛНК заверяло администрацию консерватории, что никакого возмещения за субаренду с СХМ не взимает. Вскоре, 9 марта, пришло письмо и от руководства ЛНК, в котором сообщалось, что клуб не закрыт, но «только приостановлена его деятельность» вплоть до окончания следствия и поступления дела на рассмотрение окружного суда, и выражалась просьба, во избежание «чрезвычайно больших потерь» в случае расторжения тех договоров о субаренде зала, кои клуб заключил с «другими спортивными организациями», предоставить зал Союзу Латышской национальной молодежи (Latvju Nacionalās Jaunātnes S avienība, LNJS). «В этом случае клуб берется исполнять все предусмотренные в договоре условия по приведению в порядок зала»²⁸, ставился в письме вопрос ребром. И на этот раз консерватория уступила.

Дублеры ЛНК пытались сохранить за собой малый зал консерватории. Они забрасывали администрацию консерватории письмами патетического содержания, сетовали на отсутствие в Риге подходящих помещений, прибегали к покровительству авторитетов, таких как доцент ЛУ Л. Аусейс и генерал К. Гоппер. Так, Л. Аусейс просил за «активных националистов», подчеркивая, что в правление СЛНМ «входят представители латышской интеллигенции, что гарантирует национальное направление деятельности»²⁹. Руководство консерватории отказало не без колебаний. На письме СЛНМ от 2 сентября 1925 г., украшенном девизом латышских фашистов «Все – Латвии!» («Visu Latvijai!»), стоит две резолюции, одна из которых, перечеркнутая, гласит: «С моей стороны возражений нет. Нужно согласовать с инст[итут]ом физ[ического] воспит[ания]? 7.IX», а другая: «Сов[ет] консерв[атории]. У К[онсервато]рии

возражений нет. 7.IX»³⁰. Однако всем заинтересованным организациям был направлен составленный в дипломатических выражениях отказ³¹.

Избавившись от докучливого соседства с «активными националистами», консерватория все же не избежала проникновения в ее стены политики, в том числе и в первую очередь «активно националистической». Она входила туда вместе с абитуриентами. На рубеже 1920–1930-х гг. в консерватории возникли подобные университетским корпорациям общества воспитанников, члены которых мыслили в духе латышского национализма. Уже первая из таких корпораций “Līga”, основанная девушками 4 марта 1928 г., ставила целью объединить «национально-государственно думающих воспитанниц Л.К.» [12, с. 543]. Среди докладов, читавшихся на литературных вечерах корпорации, были и такие, как «Национализм» (1932) и «Бенито Муссолини и фашизм» (1934), причем оба явления расписывались докладчицами в самых светлых тонах [12, с. 544]. В начале 1930-х гг. эстафету «активного национализма» подхватил расистский «Перконкрустс» и другие подобные ему организации социал-националистической окраски. По сведениям политической полиции, членами «Перконкруста» состояли и воспитанники консерватории. Например, по информации охранки, в начале 1934 г. участником 84 блока «Перконкруста» был член правления общества “Ligusionis” В. Эдгарс³², а участником Латгальского округа «Перконкруста» – член общества “Skaņupe” С. Чипанс³³. После государственного переворота 15 мая 1934 г. культивированием национализма в масштабах всей страны занялось правительство К. Ульманиса, жертвой диктаторских устремлений которого стала и его собственная партия «Крестьянский союз».

Накануне переворота консерватория получила письмо из министерства образования

²⁷ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1257. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 74.

²⁹ Там же. Л. 136, 194, 195.

³⁰ Там же. Л. 214.

³¹ Там же. Д. 1264. Л. 183, 245, 250, 253.

³² ЛГИА (Латвийский государственный исторический архив). Ф. 3235. Оп. 5. Д. 2137. Л. 1-2.

³³ Там же. Д. 3256. Л. 7.

с предписанием составить список лиц, которые находятся на государственной службе и при этом состоят или состояли членами запрещенных экстремистских организаций, включая «Перконкрусте»³⁴. В ответном письме от 8 мая 1934 г. Я. Витолс сообщал, что «руководству Консерватории не известно, чтобы какой-то из ее работников состоял бы или состоял в упомянутых в вашем письме организациях»³⁵.

О воспитанниках ни слова. Между тем, совет воспитанников консерватории в начале 1930-х гг., интернациональный по составу в силу демократической процедуры выборов и активизации учащихся-нелатышей, не избежал трений на национальной почве. В воспоминаниях певца А. Вилюманиса упоминается эпизод, относящийся к ноябрю 1931 г., когда «совет воспитанников, следуя примеру Латвийского университета, на одном из своих заседаний хотел рассмотреть вопрос о введении в консерватории нормы для национальных меньшинств». Тогда, по словам мемуариста, «студенты Ш. Вальдштейн, Ф. Швейник и я, которые также состояли в совете, категорически выступили против этого предложения и демонстративно покинули заседание». Причем А. Вилюманис этим не ограничился, но в газетном интервью «разъяснил, почему [он] против введения нормы для национальных меньшинств». После интервью «известная часть студентов со мной больше не здоровалась», но норму «так и не ввели, и ректор проф. Я. Витолс этого тоже ни под каким видом не допустил бы»³⁶. И тому имеется авторитетное подтверждение самого Я. Витолса, который в статье, посвященной 15-летию консерватории, не вдаваясь в детали, писал: «Так же, как между студентами университета, так и между воспитанниками консерватории было поднято требование *numerusclausus*»³⁷.

Таким образом, латышские «активные националисты», хотя и не утвердились как

следует в консерватории, могли считать свою миссию частично выполненной. Весомая часть латышской творческой интеллигенции, включая воспитанников и выпускников Латвийской консерватории, а многие из них вскоре сами сделали педагогами, стала носителем идей именно «активного национализма», по крайней мере в той их части, что касались отношения латышского большинства к нелатышскому меньшинству населения Латвии, в частности и в первую очередь к евреям. Этим, на наш взгляд, во многом объясняется как активное сотрудничество латышской интеллигенции с нацистами в годы Великой Отечественной войны, так и массовый исход из Латвии людей творческих профессий, в частности музыкантов, при отступлении немецкой армии.

История взаимоотношений Латвийской консерватории и «активных националистов» показывает, что последние попали в число маргиналов, каковыми их изображает часть современных латышских историков, ретроспективно. В начале 1920-х гг. современники воспринимали «активных националистов» как неотъемлемую, достойную уважения и поощрения часть общества, как патриотов, увлеченных идеей строительства национального латышского государства, истинных защитников национальной культуры. Им оказывали покровительство уважаемые буржуазные круги, в частности и в первую очередь крупнейшая партия латышской буржуазии «Крестьянский союз». Если в середине 1920-х гг., в момент временной стабилизации буржуазно-демократического строя в Латвии, латышские фашисты на время отошли в глубокую тень, то это не потому, что их программа была отвергнута обществом, но потому, что отпала необходимость, стала неудобной их экстремистская тактика. Вместе с тем документы позволяют увидеть изнанку движения, порожденного националистической латышской буржуазией. Звонкой патриотической фразой «активные националисты» прикрывали примитивное стремление к доминированию и извлечению личной выгоды.

³⁴ ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 5. Д. 1279. Л. 38.

³⁵ Там же. Л. 44.

³⁶ *Viljumanis A. Manas dzīves lappuses. Atmiņas. Rīga, 1967. 53 lpp.*

³⁷ *Wihtols J. Latwijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās // Jaunākās Ziņas. 1935. 11. janv.*

Список источников

1. *Dribins L. Nacionālais jautājums Latvijā 1850–1940. Historiogrāfisks apskats. Latviešu autori.* Rīga: Mācību apgāds, 1997. 207 lpp.
2. *Stranga A. Ebreji Baltijā. No ienākšanas pirmssākumiem līdz holokaustam. 14. gadsimts-1945. gads.* Rīga: LU žurnāla “Latvijas Vēsture” fonds, 2008. 592 lpp.
3. *Krēsliņš U. Aktīvais nacionālisms Latvijā. 1922–1934.* Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2005. 319 lpp.
4. *Paeglis A. Visu par Latviju! Latvju Nacionālais Klubs un aktīvais nacionālisms. 1922–1927.* Rīga, 2009. 489 lpp.
5. *Устрялов Н.В. Италия – колыбель фашизма.* М.: Алгоритм, 2012. 240 с.
6. *Креслинш У. Движение «активного национализма» в Латвии: 1922–1934 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2019. № 1. С. 26-42.
7. *Малнач А.Д. «Национальное движение» и антисемитские эксцессы в Латвийском университете зимой 1922/23 годов: причины, ход, последствия // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2016. № 1. С. 125-160.
8. *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А. и др. История Латвии: XX век.* Рига: Jumava, 2005. 475 с.
9. *Устрялов Н.В. Наше время // Избранные труды.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 739-824.
10. *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve.* Rīga: Zinātne; LANA, 1992. 460 lpp.
11. *Samsons V. Naida un maldu slīkšņā: Ieskats ekstrēmā latviešu nacionālisma uzskatu evolūcijā.* Rīga: Zinātne, 1983. 238 lpp.
12. *Малнач А.Д. Лия Красинская и ее время // Красинская Л.Э. Так было. Этюды из моей жизни.* Рига: D.V.I.N.A., 2018. С. 297-621.

References

1. *Dribins L. Nacionālais jautājums Latvijā 1850–1940. Historiogrāfisks apskats. Latviešu autori.* Rīga, Mācību apgāds Publ., 1997, 207 lpp. (In Latvian).
2. *Stranga A. Ebreji Baltijā. No ienākšanas pirmssākumiem līdz holokaustam. 14. gadsimts-1945. gads.* Rīga, LU žurnāla “Latvijas Vēsture” fonds Publ., 2008, 592 lpp. (In Latvian).
3. *Krēsliņš U. Aktīvais nacionālisms Latvijā. 1922–1934.* Rīga, Latvijas vēstures institūta apgāds Publ., 2005. 319 lpp. (In Latvian).
4. *Paeglis A. Visu par Latviju! Latvju Nacionālais Klubs un aktīvais nacionālisms. 1922–1927.* Rīga, 2009, 489 lpp. (In Latvian).
5. *Ustryalov N.V. Italiya – kolybel’ fashizma* [Italy – the Cradle of Fascism]. Moscow, Algoritm Publ., 2012, 240 p. (In Russian).
6. *Kreslinsh U. Dvizheniye «aktivnogo natsionalizma» v Latvii: 1922–1934 gg.* [Movement of “active nationalism” in Latvia: 1922–1934]. *Zhurnal rossiysskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Research], 2019, no. 1, pp. 26-42. (In Russian).
7. *Malnach A. «Natsional’noye dvizheniye» i antisemitskiye ekstsessy v Latviyskom universitete zimoy 1922/23 godov: prichiny, khod, posledstviya* [“National movement” and antisemitic excesses at the university of Latvia in the winter of 1922/23: causes, course, consequences]. *Zhurnal rossiysskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2016, no. 1, pp. 125-160. (In Russian).
8. *Bleyere D., Butulis I., Zunda A., et al. Istoriya Latvii: XX vek* [History of Latvia. 20th Century]. Riga, Jumava Publ., 2005, 475 p. (In Russian).
9. *Ustryalov N.V. Nashe vremya* [Our time]. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 739-824. (In Russian).
10. *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve.* Rīga, Zinātne, LANA Publ., 1992, 460 lpp. (In Latvian).
11. *Samsons V. Naida un maldu slīkšņā: Ieskats ekstrēmā latviešu nacionālisma uzskatu evolūcijā.* Rīga, Zinātne Publ., 1983, 238 lpp. (In Latvian).
12. *Malnach A.D. Liya Krasinskaya i eye vremya* [Leah Krasinskaya and her time]. *Krasinskaya L.E. Tak bylo. Etyudy iz moyey zhizni* [It Happened. Sketches from my Life]. Riga, D.V.I.N.A. Publ., 2018, pp. 297-621. (In Russian).

Информация об авторе

Малнач Александр Дмитриевич, аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; исследователь, Институт русского культурного наследия Латвии, г. Рига, Латвия, ORCID: [0000-0001-7695-6795](https://orcid.org/0000-0001-7695-6795), amalnach@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.12.2021
Одобрена после рецензирования 19.01.2022
Принята к публикации 11.02.2022

Information about the author

Alexander D. Malnach, Post-Graduate Student, Institute of History, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; Researcher, Institute of Russian Cultural Heritage of Latvia, Riga, Latvia, ORCID: [0000-0001-7695-6795](https://orcid.org/0000-0001-7695-6795), amalnach@gmail.com

The article was submitted 22.12.2021
Approved after reviewing 19.01.2022
Accepted for publication 11.02.2022